

П Р О З А

Р О М Е Н А **ГАРИ**

Р **Г** О | **А** М | **Р** Е | **И** Н

ПРОЩАЙ, ГАРИ КУПЕР

Москва
2019

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
Г20

Romain Gary
ADIEU GARY COOPER

Copyright © Editions Gallimard, 1969

Перевод с французского *Н. Калягиной*

Разработка серии и художественное оформление *П. Петрова*

Гари, Ромен.

Г20 Прощай, Гари Купер / Ромен Гари ; [перевод с французского Н. Калягиной]. — Москва : Эксмо, 2019. — 288 с.

ISBN 978-5-04-105529-5

На дворе 1963 год, США развязали кампанию во Вьетнаме. Ленни, молодой американец, уезжает от военной истерии в нейтральную Швейцарию. Он красив, как Гари Купер, и больше всего любит горы. Они высятся над миром, вдали от мелких страстей, грязи, обязательств и буржуазных радостей. В безмятежных Альпах, на высоте две тысячи метров, Ленни отстранен от всего и считает это единственно возможным выбором. Он только и делает, что рассекает ослепительно-белый снег, учит скучающих туристок кататься и проводит с ними ночи в шале своего босса. Все меняется летом, когда снег тает и беглецу приходится уехать в Женеву. Там он встречает Джесс, молодую дочь дипломата, и все его принципы сметает чувствами такой силы, какой он прежде не знал.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

© Н. Калягина, перевод на русский язык,
2019

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-105529-5

I I

Был там такой Иззи Бен Цви, первый человек, спустившийся на лыжах с Анд, где несколькими веками раньше прятались индейцы племени Пюла, спасаясь от тех или от того, что преследовало вас в те далекие времена, — конквистадоры или истинная религия, поди разберись. Испанцы не могли дышать таким разреженным воздухом, и даже христианская вера не забиралась так высоко. Пять тысяч пятьсот метров до земли, двадцать пять дней спуска, дерзкая затея, вот уж действительно, вряд ли кто-нибудь замахивался на нечто подобное. Иззи по натуре своей был таким человеком, которому постоянно нужно было, что называется, сматываться; в глазах его читалось выражение жажды и беспокойства, свойственное людям, которые живут только для чего-то такого, чего здесь нет, а то, что находится рядом, напротив, гонит их с каждым годом все дальше, все выше, к вечным снегам. Сначала Ленни сдружился с этим сыном Израиля, который не знал ни слова по-английски, и у них двоих сложились, таким образом, замечательные отношения. Но уже через два-три месяца Иззи научился бегло говорить на

этом языке, и все пропало. Между ними внезапно вырос языковой барьер. Языковой барьер, это когда двое говорят на одном языке. Никакой возможности понять друг друга.

У Иззи мозги были забиты психологией. Не успел он овладеть языком, как сразу принялся разглагольствовать о расизме, о «проблемах черных», о «чувстве вины американцев», о Будапеште. Ленни вся эта психология нужна была как собаке пятая нога.

Поэтому он стал всячески избегать своего приятеля. А чтобы тот не подумал, что здесь что-то личное, Ленни пустил про себя слушок, что он антисемит. Зачем зря парня обижать.

Был еще Алек, рогоносец из Савойи, который там, у себя, работал гидом, вплоть до того дня, когда застал жену в объятиях своего лучшего друга. Ему уже за тридцать перевалило, а он все еще ни черта не смыслил в жизни. Удивительно, сколько на свете взрослых людей, которые будто и не жили вовсе: неоткуда было понабраться. Самое забавное с этим французом то, что эта любовная история посеяла в нем сомнения. Он целыми часами просиживал над фотографиями своих детей, пытаясь вспомнить лица всех клиентов, которых он водил в горы. Ленни, честно говоря, не понимал, на кой ему все это сдалось и какая вообще разница, от тебя ли твой сын или нет? Это же настоящий национализм, подобная мания разбирательства, даже патриотизм, — понимаешь, что я хочу сказать, нет? Знать, твоя ли там кровь или нет, это же де Голль в чистом виде, шовинизм, штучка из разряда Жанны д'Арк. Говорю тебе, если бы у меня, кровь из носу, должен был бы быть сын, так лучше уж, чтоб не от меня. Мы бы

тогда ничего друг против друга не имели, могли бы даже приятелями стать. Но французы — все патриоты, они, кстати, сами это и выдумали. А гид, в полной прострации, все рассматривал фотографии своих ребяташек.

— Кажется, старший на меня похож.

— Точно, вылитый ты.

Когда Алек сомневался, он начинал грозить, что взорвет жену, детей и себя самого вместе с ними, к чертовой матери, и это злило Ленни, потому что если, предположим, это не его дети, так зачем же их убивать? Ну, вы понимаете, что я хочу сказать. Какой резон сентиментальничать?

— Слушай, где у тебя логика? Теперь, когда ты вот так, сразу, и уверен, что не ты их отец, на что они тебе сдались? Это же ни в какие ворота не лезет.

— Тебе не понять, каково это — иметь детей, которые не от тебя. У тебя никогда их не было.

— Да что ты? Скажу тебе по секрету, в мире полно детей, которые не от меня!

Алек понемногу успокаивался. Он подносил к свету одну из фотокарточек:

— Во всяком случае, старший от меня. Посмотри. Ошибиться невозможно.

Это точно, ошибиться было трудно. Старший, как пить дать, был от негра. Но никто и никогда еще не видел негра в Альпах, зависшего на страховке и карабкающегося по скалам, у них, у негров, и без того заморочек хватает; то есть ни один из клиентов Алека не наставлял ему рога, напрасно он возмущался, спортивная честь не пострадала. Но он по-прежнему доставал всех со своей личной драмой, и отвязаться

от него не было никакой возможности: из домика никуда не уйдешь, снег сошел, лето у порога. Они все залегли в шале Буга Морана, выжидая, когда это кончится.

Лето. Скверная история. Земля лезет со всех сторон, режет глаз, голая и грязная, со скалами, а скалы, знаете, для реальности ничего лучше и основательнее не придумаешь. Лето — для настоящего любителя — оно как море, которое отступило, оставив рыб барахтаться в вязкой жиже: выбирайтесь сами как знаете. Некоторые из бродяжничавшей братии отправлялись обучать водным лыжам на Женевском озере или в средиземноморских водах, у каталонской Коста-Брава и на Лазурном Берегу, но все они ненавидели водные лыжи — чтобы тебя волокли на веревке, вы представляете, что это такое. Настоящие фанатики горных лыж, да и того же серфинга, рассматривали водные лыжи как профанацию религии. Чем впрягаться в эту веревку на моторке, не лучше ли сразу в армию махнуть или на лекции в университет? Совсем как те парни, которым непременно нужна мощная тачка или двухмоторный катер взамен того, чем должна была бы одарить их природа. Выходишь с девушкой в море на таком вот шикарном катере, и — всё, она уже готова, сама распускается; Буг Моран прав, когда говорит, что мы живем в цивилизации пластмассовых фаллосов и прочей похабщины извращенцев, которые существуют вместо, делают вид: автоматизм, коммунизм, родина, Мао, Кастро, и все такое, вся эта дрянь, псевдочлены; Шикс, например, вернулся как-то из Церматта и все брезгливо плевался, потому что он там занимался любовью с девицей, которая пользовалась презервативом от демократов Кон-

нектикута с надписью *I am for Kennedy*¹. Вот так, некуда и податься. Ленни пару раз спускался в Женеву, когда Буг Моран уезжал на каникулы в Кадакес и они уже начинали помирать с голоду. Пришлось дать несколько уроков водных лыж. Это, конечно, весьма прискорбно, но что бы ни делать там, внизу, спускаясь с гор ниже двух тысяч метров, это уже не важно, это не считается. Дома, в снегах, у него был собственный кодекс, как и у остальных парней, но внизу он был готов делать все, что угодно. Он уже был не дома, он был у *них*. Нужно было приспособливаться. Единственное, что он не принимал ни под каким соусом, это педиков, которые так и липли к нему, но к своей заднице он никого и близко не подпускал, ни Дядю Сэма, ни Вьетнам, ни армию, ни полицию, ни педиков. Черт, тебе двадцать лет, и ты смотал из Штатов не для того, чтобы тебя помела голубая Швейцария, тогда как даже самой большой и могущественной стране в мире это не удалось. Две недели на водных лыжах, три сотни франков в кармане, и бегом обратно, наверх.

Вокруг шале кое-где еще лежал снег, и потом, стоило только поднять глаза, и можно было видеть то, настоящее, вечные снега, как говорят. К трем часам дня весь ледниковый цирк Юнгфрау становился вдруг сразу фиолетовым с зелеными и розовыми подтеками, и веяло такой холодной свежестью, что казалось, вот оно, снова наступило. Грязи уже не было видно. Ночь сходила очень быстро, но только посередине, потому что вокруг везде был снег, которому до этой ночи — что до фонаря. Он блестит себе, и если луна и звезды

¹ Я за Кеннеди (англ.).

подсуеются, вам и желать больше нечего. Все очень просто: нигде ни следа психологии. Только не стоит тепло одеваться, наоборот, надо подпустить холод поближе к телу, чтобы он вас пробрал немножко, тогда вы почувствуете, что находитесь всего в двух шагах от чистоты, даже если у вас за плечами двадцать долгих лет жизни. Само собой, не следует подвергать себя риску и промерзнуть до мозга костей. Нужно уметь вовремя остановиться: хорошего понемножку. Минт Левкович, из Сан-Франциско, переборщил, не рассчитал дозу счастья, и через пять недель его нашли в какой-то затерянной глуши, замерзшим с улыбкой на устах; Буг Моран сделал слепок этой улыбки и держал ее на камине, и она постоянно была у нас перед глазами как вечное напоминание о том, что это существует, стоит только поискать — и непременно найдешь. Мы долго спорили там, в шале, решая, следует ли отсылать эту идиотскую улыбку Минта Левковича его семье, которая бомбила Буга Морана телеграммами, допытываясь, «как это случилось», но в итоге Буг написал конформистское письмо, в котором сообщал отцу Левковичу, что его сын добровольно подверг себя замораживанию, из протеста против войны во Вьетнаме. Бугу это ничего не стоило, а семье было, наверное, приятно узнать, что сын у них — герой Вьетнамской войны. Вы, конечно, понимаете, что Минту, как и всем нам, было плевать на войну во Вьетнаме с высокой башни. Как можно проявлять интерес к чему-то настолько отвратительному, что и в своей мерзости становится совершенно нормальным? Пусть они провалятся со всей их биологией и этими своими хромосомами; в нашем теремке не нашлось ни одно-

го дурака, который бы считал, что война во Вьетнаме его хоть с какого-то боку касается, если только речь не шла о том, чтобы не отправляться туда. Прав был Станко Завич, когда говорил, что единственное, что имеет значение, это не участвовать во всеобщей демографии, которая как разменная монета: чем больше ее в ходу, тем меньше ее ценность. Сегодня парень двадцати лет совершенно обесценился, их, таких, на свете полно, отсюда — инфляция, и нечего с ней спорить, с демографией, она глупа, она слепа, она накатывает и давит вас. Ленни вовсе не хотел быть кем-то, но еще меньше ему хотелось превратиться в нечто. Станко Завич был славный парень. Он свалил из Югославии при каких-то неясных обстоятельствах, которые не имели ничего общего с политикой; говорили, что здесь была безумная любовь, кинозвезда, первая красавица страны, словом, катастрофа, такая романтическая история, что он в конце концов слинял: все это было так прекрасно, что не могло больше продолжаться. Он писал ей длинные страстные письма, потому что владел стилем и потому что в переписке все выходило гораздо легче: можно было по-настоящему парить в облаках поэзии. Любовь его отвечала в том же духе, посылая ему письма, залитые слезами. Они, правда, пытались построить что-то вместе, эти двое. Девушка гуляла направо и налево, Станко тоже, но им все-таки удалось сохранить свою любовь, спрятать ее в надежное место, в склеп. Даже закоренелый циник Буг сдался, признав, что у них было что-то очень красивое, — а еще говорят, что настоящей любви больше нет! — и Буг объяснял вполголоса, глядя, как Станко играет в шахматы с сыном трактирщика из Дорфа, восьмилетним

шалопаем, которому Станко всегда поддавался, чтобы дать ему почувствовать вкус абстрактного, так вот, Буг объяснял, что такие люди, как Станко, однажды соберутся и построят новый мир, где-нибудь, куда ниоткуда не доехать, в каком-нибудь другом измерении, настоящий социалистический мир, наглухо закрытый от реальности, и когда все узнают, что такая красота где-то существует, они поймут все величие Ленина. Буг Моран всегда говорил о Ленине, когда он был «под кайфом». ЛСД — еще та дрянь, Ленни как-то раз попробовал, но увидел все то же самое, только в ярких красках, да еще был один странный момент, когда его член вдруг отделился от него, надел его анорак и взял его лыжи; тогда он заорал и бросился отнимать их: он дорожил своими лыжами как зеницей ока. Чтобы тебя обокрали среди бела дня, к тому же кто-то из своих! Нет, решительно ни на кого нельзя положиться. ЛСД, гашиш и все такое — это как йога. Хорошо для потерянных людей. Он, Ленни, не терял себя. Он твердо стоял на своих лыжах, а что до земли под ними, так ему было все равно, лишь бы снег на чем лежал, а дальше — хоть трава не расти. К сожалению, пришло лето, и земля все больше начинала напоминать о вас, ребята: стоило только высунуть нос на улицу, везде, куда ни кинешь взгляд, проступала эта могильная земляная кора. Ленни больше не выходил из дома. Буг, который был весьма сведущим, составил для него гороскоп, все по-научному, и рассказал, что его ожидало нечто скверное, ему следовало опасаться Скорпионов и Дев, это Ленни и сам знал, но зато ему должно было повезти, при условии, что он будет крайне осторожен и, главное, не поедет на Мадагаскар. Вот чего нужно

было избежать любой ценой, так это Мадагаскара. Буг не мог точно сказать, что за ловушка поджидала там Ленни, но знал наверняка, что это было что-то преотвратное. Полезно все-таки было знать это, потому что когда вам двадцать и вы американец, то торопитесь слинять так далеко, как только возможно, и вполне можете попасть на Мадагаскар, так что он был признателен Бугу, что тот его предупредил.

Лето начиналось скверно. Коротышка Куки Уоллес, из Цинциннати, облился бензином на льду и спалил себя живьем, оставив записку, в которой просил парней объяснить все его родителям; а между тем он прекрасно понимал, что это невозможно: его родителям, пожалуй, за полсотни перевалило, ну что им объяснишь? Никакой возможности объяснить подобное людям, которых угораздило родиться так давно, что теперь они уже ничего не чувствовали. Куки сделал нечто вполне понятное, но это было непередаваемо. Невозможно передать словами. Слова лгут, для них врать — что дышать. Но Лех Глазе предложил сказать родителям Куки, что он сделал это из протеста, не уточняя, против чего, потому что мы не знали, каких политических взглядов придерживаются эти люди. И все же мы были в некотором замешательстве, когда получили телеграмму с оплаченным ответом, гласившую: «Против чего этот гадкий мальчишка протестовал?», и подпись: «М-р и миссис Уоллес». «Тсс, — зашипел Буг Моран, перечитывая телеграмму. — Здесь уже пахнет конфликтом поколений». Буг, не долго думая, решил взять все на себя. Он был против поколений. Он сам составил ответ: «Ваш сын извел себя огнем из протеста против проданной ему зажигалки плохого качества

тчк Он умер в ужасных мучениях что объясняет почему его последние мысли были о его дорогих родителях тчк Просьба дорогой мамочке приехать забрать левую ногу более или менее сохранившуюся тчк Уверяем что жертва вашего сына не окажется бесполезной подпись Ассоциация борьбы за улучшение качества зажигалок, Буг Моран, педераст». Швейцарская почта потребовала от Морана, чтобы он убрал слово «педераст». Это их шокировало.

Буг полагал, что Куки не убил бы себя, если бы был снег, но весна, с непременной земляной корой, которая пёрла со всех сторон, его опустила. Потом все мы немного удивились, обнаружив в вещах Куки фото Мэрилин Монро. Парень, оказывается, еще во что-то верил. У него была прочная связь с реальностью. Короче, мы еще держались в нашем редуте, на высоте двух тысяч четырехсот метров, но боевой дух уже испарился. Все сидели без гроша. Единственный, кто кое-как перебивался, был Зальтер, немец, который ушел в снега, после того как двадцать два дня протрубил у Берлинской стены. Стена, однако, не упала, но ведь это был всего лишь символический протест. В итоге с другой стороны стены ему ответила вторая труба, на заре двадцать третьего дня, и даже видели, как какой-то парень, весь в белом, шагает по минному полю, играя на трубе. Блондин. В него не стали стрелять сразу же, он смог доиграть «Saint James Infirmary blues», да, именно это он и играл. Да, признаться, с блюзами и джазом они там, в Восточной Германии, конечно, страшно запаздывают. А потом он подорвался на mine. Это случилось в шесть утра, на двадцать третий день, один парень находился по эту сторону стены, другой — по ту,

разделяемые этим каменным гондоном, и они смогли потрубить вместе какое-то время, за которое, должно быть, успели сказать себе, что ничто никогда нельзя считать совершенно потерянным. Лучшие трубы, кажется, делают в Мемфисе.

Было начало июня, и каждый год к этому времени все собирались у Буга, потому что там можно было есть, пить и спать до опупения. Все прекрасно знали, что Буг Моран — голубой, но он никогда никому не навязывался со своей проблемой. Он только смотрел на вас своими большими влажными глазами, как у здорового сенбернара, который ждет помощи, но никто не заставлял приходить к нему на помощь, так что это нисколько не мешало. Его шале чем-то напоминало приют, оно предоставляло кров заблудшим всякой масти; кажется, раньше для этого служили церкви, когда они для чего-то еще служили. Последним из прибывших был итальянец, Альдо, у него был перелом позвоночника, и поэтому он изобрел себе собственный, весьма забавный, скачкообразный способ ходить на лыжах, не сгибая спины. Спуститься-то он мог, а вот подняться обратно было сложнее, так что он возвращался в шале Буга только к началу оттепели, когда его втаскивала наверх какая-нибудь парочка приятелей из Дорфа: снег начинал сходить, и на поверхности появлялось множество всяких чудиков. Полиция Дорфа ненавидела нас всем сердцем и спешила выставить парней по малейшему поводу. Как-то они даже приперлись в шале с обыском, в надежде найти там травку или ЛСД, но мы давно уже оставили эти игрушки у папочки с мамочкой. Этот подростковый зуд был далеко позади.